

Воловикова М.И.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ¹

THE PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF CONTEMPORARY RUSSIAN
INTELLECTUALS

Воловикова Маргарита Иосифовна, доктор психологических наук,
профессор, зав. лабораторией психологии личности ФГБУН Института
психологии Российской академии наук
M.I. Volovikova

Аннотация: В статье ставится проблема изучения исторически сложившихся особенностей российской интеллигенции. Приводятся результаты исследования современных представлений о нравственном («порядочном») человеке. Проводится соотнесение полученных результатов с идеей А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко об отличительных признаках российской нравственной элиты.

Abstract: The article raises the problem of historical features of Russian intellectuals. The results of modern representations about a moral (decent) person are provided. The obtained results were correlated with the ideas of A.L. Zhuravlev and A.B. Kupreychenko about distinctive features of the Russian moral elite.

Ключевые слова: нравственность, духовность, интеллигенция, представления, поступок, менталитет, нравственная элита

Key words: morality, spirituality, intellectuals, representations, action, mentality, moral elite.

Постановка проблемы

В России слово «интеллигенция» относительно новое. Оно пришло из немецкой философии в 30-х годах XIX века и первоначально означало интеллектуальную способность, самосознание, но популярным не было. Согласно наблюдению, сделанному историком Федором Гайдой, «Превратить слово в лозунг, в идеологическое оружие смогли лишь русские **социалисты-народники**. В 1868 году радикальные публицисты Н.К. Михайловский, Н.В. Шелгунов и П.Н. Ткачев в своих статьях заявили об «интеллигенции» как передовой силе, призванной вести за собой всю

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10082а.

страну» [4]. Представление об этой сверхзадаче тоже, скорее всего, имеет немецкие корни, только родоначальником здесь следует считать не Гегеля с его самосознанием, а его бывшего ученика Маркса, в 1845 году написавшего «Тезисы о Фейербахе», где под номером 11 ставилась задача: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [11]. В 1917 году интеллигентам удалось изменить не только российский, но и во многом весь мир. Началась эпоха революций и бесчеловечных по своей жестокости войн.

В 1936 году в сталинской Конституции СССР было закреплено понятие «трудовая интеллигенция». Собственно, к этому времени восходят достижения и проблемы современной интеллигенции. Тем «работникам умственного труда», которые обслуживали социалистическую идею (в искусстве, в науке, на производстве), было обеспечено привилегированное положение относительно остального населения. Но этот высокий статус надо было отрабатывать, так как контроль над идеологической приверженностью был жесткий и профессиональный, включая репрессивные меры в случае измены господствующей идее.

Чтобы понять сильные и слабые качества современной российской интеллигенции, надо вспомнить российскую историю, особенно советского периода, когда к «интеллектуальному труду» были привлечены широкие народные массы при избирательной преемственности знаний от «спецов», сформировавшихся до революции. Сочетание невысокой образованности, близости к народной культуре, молодого задора и страха перед госконтролем идеологии породили противоречия в характере интеллигента. Стоит напомнить и саму *идею*, сохранение и трансляция которой была поручена работнику умственного труда советским государством. Она состояла в утверждении возможности построения справедливого, коммунистического общества. Одним из краеугольных камней этой идеи был государственный атеизм. А противоречивость воззрений интеллигента состояла в сочетании его согласия с тем, что Бога нет, с народным, растворенным в самой российской почве, православием. Точнее, с его еще не выкорчеванными остатками, которых, однако, хватило на то, чтобы народу отстоять, не жалея жизней, Родину в Великой Отечественной войне, восстановить, не жалея себя, страну после военной разрухи, одолеть великие стройки, поднять науку и создать многое из того, чем сейчас держится страна.

Данное противоречие мы обнаружили и у современной интеллигенции, точнее, у элиты.

А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко приводят такое определение элиты: «Под *элитой* понимается социальная категория людей, характеризующаяся наиболее высоким уровнем развития тех или иных качеств, свойств, способностей и *успешно проявляющая их совокупность* в конкретных сферах жизнедеятельности общества. В таком смысле вполне уместно говорить о разных *видах элиты*» [9, С. 6]. Выделяя такие виды элиты как политическая и управленческая, экономическая и бизнес-элита, интеллектуальная и научная, творческая и художественная, культурная и духовная, авторы идут дальше и ставят проблему «нравственной элиты», разработка которой предполагает междисциплинарные исследования со своей спецификой [5], с чем трудно не согласиться, а сама нравственная элита рассматривается одной из наиболее развитых форм (и уровней) социально-психологической зрелости [6]. Авторы определяют *основные отличительные признаки* нравственной элиты: участие в общественно полезной деятельности; строгое следование нравственным принципам, нормам и правилам; способность к решению нравственных задач и проблем; способность воздействовать, влиять на других людей в нравственной сфере; оказание безвозмездной помощи другим людям; такие люди служат примерами для подражания [9, с. 8–9]. Интересно также предположение Журавлева и Купрейченко о житейской неприспособленности представителей нравственной элиты, т.е. об альтруистическом поведении, чаще всего, во вред своим личным интересам [8, 9].

Организация исследования и основные результаты

Для проверки этого предположения нами совместно с М.Н. Комаровой начато исследование обыденных представлений представителей современной российской элиты о нравственном («порядочном») человеке. Данная работа является с одной стороны, продолжением многолетних исследований представлений о нравственном идеале в российском менталитете [2], а с другой — конкретным вкладом в развитие более общего научного направления исследований нравственности современного российского общества, активно разрабатываемого в современной психологии [14, 15, 16, 21, 28]. Нельзя не отметить также тесную связь данного исследования (по цели и результатам) с решением многих других актуальных психологических проблем современного российского общества, наряду с уже упомянутыми вопросами нравственности [10, 17–19, 23, 27].

Авторская методика была основана на анкете японских психологов Х. Азумы и К. Кашиваги, хотя у них в центре внимания были

«имплицитные концепции интеллектуальности» (обыденные представления об умном человеке) [29]. Первый этап состоял в задании вспомнить и описать человека, которого респондент «знает лично» и которого считает умным. На втором этапе из полученных дескрипторов исследователи с помощью частотного анализа отбирали наиболее употребимые качества «умного человека», из которых затем и составляли анкету закрытого типа, построенную по принципу одномерной шкалы.

Японские психологи подчеркивали: «Таким образом, мы хотим начать с конкретного, предлагая нашему испытуемому подумать о конкретной личности, которую субъект хорошо знает, и знает как интеллектуальную, и думает, что эти личностные характеристики, которые могут быть приписаны этой личности, позволяют судить о ее интеллектуальности» [29, С. 18]. Факторизация данных, полученных на основном этапе исследования, позволяет, в том числе, проводить кросс-культурные сравнения представлений об умном человеке.

Так Н.Л. Смирновой (Александровой) было проведено исследование по методике Азумы и Кашиваги на отечественной выборке и был обнаружен тот факт, что, в отличие от японцев, для которых ведущим оказался *когнитивный* фактор, в представлениях об умном человеке у жителей постсоветской России доминировал этический фактор [24]. Позднее, наблюдая динамику изменения этих представлений, Ю.И. Александров и Н.Л. Александрова отметили тенденцию к сохранению такого представления об умном человеке, прежде всего как *человеке нравственном*, связав данный факт с особой ролью интеллигенции в нашем Отечестве [1].

Мы распространили принципы построения анкеты на наше исследование имплицитных представлений об образцово нравственной личности («порядочном человеке»). Также в анкету был добавлен вопрос о конкретном поступке, доказывающем, что описываемый человек действительно является нравственным образцом. Здесь мы исходили из идеи С.Л. Рубинштейна о поступке как *имплицитном суждении* [22]. Именно поступок, а не слово, чаще всего производит впечатление на окружающих и запоминается надолго.

После отбора из набранных на первом этапе описаний («психологических портретов») знакомого респондентам конкретного человека, которого они могли бы назвать «порядочным», в основную анкету вошли дескрипторы: *скромный, пунктуальный, тактичный, уважающий других людей, не предаст друга, добросовестный, любит Родину, образованный, смелый, не выдаст чужую тайну,*

не нарушает закон, бережливый, верит в Бога, гордый, воспитанный, не нарушает данное им слово, трудолюбивый, умный, справедливый, ответственный, не курит, может дать совет, хорошо одевается, волевой, не ворует, честный, культурный, аккуратный, не сквернословит, добрый, соблюдает правила этикета, общительный, щедрый, начитанный, рассудительный, с чувством юмора, не сплетничает, уважает старших, не врет, безотказный, интеллигентный.

Описанная процедура разработки авторской методики (анкеты) для сбора первичных данных вполне вписывается в систему требований, предъявляемых к такого рода разработкам и практике их применения в современной социальной психологии личности [12, 13, 20, 25, 26].

Дескрипторы «верит в Бога» и «любит Родину» мы включили в анкету, исходя не столько из результатов частотного анализа (рейтинг этих качеств в середине 1990-х годов был не очень высок), сколько из анализа особенностей исторически сложившегося российского менталитета, в котором вера и патриотизм издавна выступали основой нравственности человека.

По результатам проведенных эмпирических исследований во всех выборках середины 1990-х годов лидировало качество «добрый». Особое место занял дескриптор «интеллигентный» — сам по себе достойный отдельного исследования из-за его расширенного понимания в российском менталитете. В целом, на разных выборках конца 1990-х сложилась картина позитивного отношения к «порядочности» при понимании редкости этого качества в реальной жизни.

Исследование было продолжено в 2000-х, что позволило изучить динамику представлений, в основном — позитивную. Однако выборка состояла преимущественно из учащейся молодежи: старшеклассников и студентов из разных российских регионов [3].

Задачей нового исследования, начатого совместно с М.Н. Комаровой, было выявление специфики имплицитных представлений о нравственном («порядочном») человеке в среде тех лиц, которых можно отнести к элите нашего общества. Выборка состояла из людей, достигших заметного успеха в жизни. Это были врачи, экономисты, юристы, музыканты, художники и психологи, руководители лабораторий, институтов и творческих коллективов, главные редакторы изданий, директора компаний.

При анализе мы исходили из того, что, рассказывая о другом конкретном человеке и оценивая его качества, отвечающий невольно раскрывал свои подлинные предпочтения.

Наиболее отвергаемым в данной выборке оказалось качество «безотказный», лидирующим — «не предаст друга». Аутсайдерами стали качества — «верит в Бога», «хорошо одевается», «гордый» и «любит Родину». То, что в данной выборке одно из минимальных значений оказалось у дескриптора «гордый», может объясняться высоким профессионализмом участников, обычно сочетающимся со скромностью и трезвою оценкой своих возможностей.

Ожидаемо на первое место по результатам факторного анализа выдвинулся когнитивный фактор, в который вошли дескрипторы *умный, образованный, начитанный, может дать совет*. Затем идет фактор отрицания антиобщественного поведения (*не сквернословит, не врёт, не сплетничает, не ворует*), а далее — волевой фактор (*смелый, волевой*), коммуникативный фактор (*щедрый, с чувством юмора, общительный*), фактор интеллигентности (*уважает старших, тактичный, уважающий других людей, интеллигентный*), фактор ответственности (*ответственный, не нарушает данное им слово*) и фактор, который мы назвали фактором предательства, в который вошли со значимым *отрицательным* весом: *не предаст друга и не выдаст чужую тайну*, а с положительным — *не курит*. Появление такого фактора, хотя и не на ведущей позиции, может говорить о реальном негативном жизненном опыте директоров, заведующих и руководителей различных творческих коллективов.

В описаниях поступка лидирующей (43,6% от всех примеров) оказалась тема *«никогда не...»* — никогда не предаст, никогда не подведет, не обманет. Второе место (26,8%) заняла обычно лидирующая в других выборках тема помощи — *помог, выручил, понял, подсказал*. Третье место (8,5%) пришлось на тему «смирение» — проявил смирение, простил, не возмутился. Лишь 2,8% рассказов были посвящены обычным в других выборках историям о найденных и возвращенных деньгах. Кроме того, 5,6% ответили в общих чертах: «для меня образец — все поведение этого человека», а 12,7% респондентов примера не привели.

Если обратиться к работам Журавлева и Купрейченко, где высказаны идеи о качествах, характеризующих нравственную элиту [8, 9, 30], то нужно отметить соответствие этих качеств тем описаниям запомнившихся поступков, данных респондентами в нашем исследовании.

Об *участии в общественно полезной деятельности* говорит, в том числе, статус персонажа, о котором идет речь: «это мой начальник, он в меня поверил...»; «мой коллега, зав. кафедрой...»; «при публикации научных трудов отражал имена сотрудников, включая аспирантов»; «она была моей начальницей...»; «мой кол-

лега — ученый физик, пользуется международным авторитетом»; «...зам. директора НИИ..., профессионально честный...». Есть и более определенные примеры общественной активности: «человек, описанный в анкете, помог разобраться с мощной наехавшей бандитской организацией легко и эффективно, не обращаясь к услугам структуры, в которой занимал руководящую должность, совершенно безвозмездно».

О строгом следовании нравственным принципам, нормам и правилам говорит каждый из 43,6% сюжетов на тему «никогда не...»: «она никогда не ставит себя выше, важнее других»; «не ведет никаких тайных интриг за спиной»; «зная мои тайны, не рассказывает их другим людям»; «не обманет, не предаст»; «не выпячивается, не навязывает своего мнения»; «имеет четкие принципы и четко следует им»; «честно выполняет свои обязательства в бизнесе, хотя обстоятельства складываются так, что она вполне могла нарушить их в силу объективных, не зависящих от нее причин»; «имея большие властные полномочия, никогда не использовал их в личных целях, в том числе, в целях наживы»...

Способность воздействовать, влиять на других людей в нравственной сфере доказывается не только приводимыми примерами, но и самим тем фактом, что эти лица названы нравственным образцом, то есть тем, кто влияет, — «порядочным человеком».

Оказание безвозмездной помощи другим людям, реализация разных форм помогающего поведения доказывается в 26,7% примеров, отнесенных нами к теме «помощь»: «в трудной ситуации очень сильно помог, подставил плечо»; «помогал мало-знакомым людям в сложных ситуациях выступить посредником в близкородственных отношениях»; «несмотря на свою болезненность готова помогать всем и вся»; «когда у подружки был серьезно болен ребенок и отсутствовали финансовые средства на лечение, моя знакомая приютила их с ребенком у себя, наняла врача и безвозмездно оплатила лечение»; «на фирме начались финансовые проблемы, и она была закрыта; последнюю зарплату мне не выплатили; позже начальница выплатила причитающуюся мне зарплату из своих денег».

О неприиспособленности нравственной элиты к реалиям современной жизни говорит большинство примеров: «выбрал себе самый плохой дачный участок, хотя был председателем кооператива»; «ему неоднократно предлагали прекрасную высокооплачиваемую работу в США, но он отказывается — лучше я буду приезжать к вам в штаты на конференции, а жить хочу у себя, любоваться российскими березками»; «пожертвовала своей работой ради

женщины, которая одна воспитывает детей»; «отказался от материальной выгоды в пользу принципов».

Складывается общая картина (не только по данной выборке, но и по всем предыдущим) тесной связи темы запомнившегося поступка нравственного образца с независимостью от обстоятельств, подталкивающих к типу поведения, позволяющего успешно и комфортно устроиться в жизни.

Таким образом, выделенная Журавлевым и Купрейченко совокупность признаков, соответствие которым позволяет относить человека к нравственной элите, прошла своеобразную эмпирическую проверку и получила свое подтверждение. Своеобразие проверки заключалась в том, что это не было непосредственным изучением лиц, принадлежащих к нравственной элите, а было исследованием имплицитных представлений о нравственном образце у лиц, достигших в жизни высокого социального статуса. В таких вариантах исследований принципиальный становится интерпретация полученных результатов [20, 25, 26].

Уточняющий анализ результатов (вместо заключения).

Противоречивость представлений помогло выявить обращение к популярной, но пока очень неопределенной теме «духовность».

Задание привести конкретный пример поступка, доказывающего, что описываемого человека действительно можно назвать порядочным, Комаровой было дополнено таким авторским приемом, как глубинное интервью на тему: *«Что такое духовность? Какие качества присущи духовному человеку? Как соотносятся порядочность и духовность?»* [7]. Полученные данные оказались нам столь интересными, что хотелось бы дать им другую интерпретацию, отличную от интерпретации Комаровой.

Первый вывод, сделанный Комаровой на основании анализа результатов глубинного интервью, касается проблемы соотношения понятий «порядочность» и «духовность», на примерах показывая, что респонденты считают духовность более широким понятием, чем порядочность, а иногда даже противопоставляют их. Другое заинтересовавшее нас утверждение касается понимания соотношения духовности и религиозности. Приводимые ответы свидетельствуют о том, что наша творческая элита (а такова выборка) в вопросах веры недалеко ушла от предреволюционной интеллигенции, но при этом имеет несопоставимо меньше познаний в этом вопросе:

Духовность — это чистота помыслов, не включает религиозность.

Сильно религиозный человек — бездуховен.

Духовный человек может быть и неверующим.

Духовный человек — скорее, не религиозный человек.

Нет знака равенства между духовностью и религией, они дополняют друг друга.

Только один участник исследования определяет духовность через религиозность:

Духовность связана с верой в Бога. Это религиозное чувство.

В трудную минуту человек обращается за помощью к Богу

Таким образом, *общий вывод* был таков: подавляющее большинство наших «лучших людей» (вся выборка успешна в социуме и в делах) «духовность» ставят выше нравственности (порядочности) и выше (вплоть до противопоставления) религиозности, и особенно религиозности, связанной с церковностью. Можно также предположить, что «духовность» является как бы синонимом «интеллигентности» в специфически российском понимании этого слова. Еще пример высказывания респондента, поясняющий данное утверждение:

Духовность — это не церковь, духовный человек принципиален в определенных этических вещах, следует своей позиции, его отличительная черта — умение думать, уважение к своей Родине, знание ее истории, истории своего народа, у него трезвый взгляд на историю, он образован в широком смысле, это не обязательно диплом.

Однако если сравнить с результатами заполнения основной анкеты, то обнаруживается удивительный парадокс. Описывая знакомого «порядочного человека», эти элитные респонденты дают образ православного идеала, но, несмотря на упомянутую «образованность в широком смысле слова», не зная почти ничего о родном (по рождению) православии, они об этом не догадываются, продолжая мысленно бороться со всякой «церковностью», скрывающей «подлинное творчество». Это не только примеры бескорыстной помощи, самопожертвования и честности в отношениях, но и проявления такого специфического качества, как умение прощать обиды (и даже забывать о них), обладая при этом всеми реальными возможностями (материальными и ситуационными), чтобы отомстить.

Таким образом, вырисовывается в целом положительный образ современного интеллигента, но наполненный традиционной российской противоречивостью. Так, в целом невысокая значимость любви к Родине сочетается с рассказами об отказе покинуть страну, чтобы жить в более благоприятных в житейских отношениях условиях. А отвергаемая вера в Бога сочетается с явным доминиро-

ванием в рассказах православного идеала смирения и непривязанности к славе, деньгам и власти.

Если исторической задачей российской интеллигенции является быть прогрессивным сознанием нации, предлагать движущую обществу идею, то необходимы усилия по осознанию противоречивости своих представлений, ее исторических истоков и выработке путей преодоления этой противоречивости.

Список литературы

1. *Александров Ю.И., Александрова Н.Л.* Субъективный опыт культуры и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
2. *Воловикова М.И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
3. *Воловикова М.И., Дикевич Л.Л.* Динамика представлений русских о нравственном идеале // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 298–318.
4. *Гайда Ф.* «Интеллигенция»: чем гордиться? // Интернет-журнал Православие.Ру. 23 июня 2011. <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/47186.htm>
5. *Журавлев А.Л.* Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
6. *Журавлев А.Л.* «Социально-психологическая зрелость»: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54.
7. *Комарова М.Н.* Представление о порядочности и духовности в современном российском обществе. Магистерская дис. М., 2011.
8. *Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л.* Нравственная элита в российском обществе: основные признаки и функции // Наука. Культура. Общество. 2010. № 2. С. 42–49.
9. *Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л.* Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Том 31. № 2. С. 5–19.
10. Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
11. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // <http://lugovoy-k.narod.ru/marx/03/01.htm>
12. Методики социально-психологической диагностики личности и группы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Хащенко. М.: Институт психологии АН СССР, 1990.
13. Методики социально-психологического исследования личности и малых групп / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 1995.
14. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
15. Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

16. Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
17. Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
18. Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
19. Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 318 с.
20. Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003.
21. Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
22. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Просвещение, 1976.
23. *Рубцов В.В., Журавлев А.Л., Марголис А.А., Ушаков Д.В.* Образование одаренных — государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.
24. *Смирнова Н.Л.* Исследование имплицитных концепций интеллекта // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993. С. 97–103.
25. *Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2011.
26. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
27. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
28. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.
29. Azuma H., Kashiwagi K. Descriptors for an intelligent person: A Japanese study // *Japanese Psychological Research* 1987, vol. 29, No. 1, 17–26.
30. *Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B.* The Moral Elite in Contemporary Russian Society: The Sociopsychological Aspect // *Russian Studies in Philosophy*. 2013. Vol. 51. Spring. № 4. P. 26–50.